

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

Е.А. Попов

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И АЛОГИЗМ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу возможных случаев продуцирования языковой аномалии в тексте, которая закономерно является следствием нарушения в логике рассуждения, т.е. следствием логической ошибки. Данная проблема актуализирует традиционный для языкознания вопрос о разграничении языка и мышления, однако в статье акцент ставится на роль логических операций в правильном построении языковых единиц. Языковая норма рассматривается в аспекте соблюдения конкретного языкового правила, в то время как алогизм - в аспекте нарушений логических правил и законов. Использование различных примеров из текстов позволяет продемонстрировать, каким образом игнорирование закономерностей логики способно спровоцировать в дальнейшем возникновение языковой погрешности, а вместе с ней и нарушение языковой нормы.*

***Ключевые слова:** филология, язык, норма, логика, алогизм, стиль, лингвистика, ошибка, изложение, рассуждение.*

На современном этапе развития науки вообще и науки о языке в частности отмечается активное взаимодействие различных отраслей научного знания; этим взаимодействием определяются не только совершенно новые предметы и методы, но и вся совокупность теоретических и инструментальных приемов научного исследования. В работах Г.В. Ейгера, Г.В. Колшанского, В.И. Свинцова, Л.А. Киселевой, А.Т. Кривоносова, В.В. Петрова, С.Н. Цейтлин и других исследователей ставятся вопросы о соотношении науки о языке и логики, поскольку, во-первых, всякое научное знание предполагает логическую оформленность, а во-вторых, решение задач лингвистического плана во многом могла бы облегчить логика как наука о формах и законах мышления. (Ср.: В.В. Петров: «Если для логики важны общие логические закономерности мышления, реализуемые в тех или иных языковых конструкциях, то лингвистика стремится выявить более частные законы, которые формируют высказывание и обеспечивают их связь»¹). Мы попытаемся обозначить наиболее существенные, на наш взгляд, моменты соотношения лингвистики и логики.

Как отмечает Г.В. Колшанский, «современная логика, успешно продвинувшаяся не только в развитии формальных систем, но и в решении ряда задач на содержательном уровне (собственно в настоящей главе будут рассмотрены газетные тексты в содержательном аспекте. — Е.П.), подошла, в частности, и к проблеме значения (смысла)

знаковых выражений как проблеме их понимания»². В самом деле, говоря прежде всего о формальных системах, составляющих предмет логики, мы не должны упускать из виду содержательный план подобных систем, что определяется собственно и самим процессом мышления, связанного с языком. Подтверждением этому может служить статья А.Т. Кривоносова «О некоторых аспектах соотношения языка и логики», в которой он пишет о том, что «логика изучает мысли со стороны их структуры, применяет различные операции к различным формам мысли и устанавливает на этой основе правила получения истинных выводов, законы правильного мышления без обращения к языковым формам, в которых реализуются соответствующие формы мышления и на основе которых строятся правильные умозаключения»³. Здесь вновь встает вопрос о соотношении языка и мышления, равно как и соотношении мышления и логики.

Далее в этой работе идет речь о том, что «мы «умозаключаем» постоянно и для выражения наших умозаключений используются самые разнообразные языковые формы»⁴. Здесь мы можем говорить о другом аспекте соотношения лингвистики и логики, которым определяется взаимоотношение категорий: «Взаимодействие между лингвистикой и логикой обычно видят только в соотношении таких лингвистических и логических категорий, как слово и понятие, предложение и

¹ Петров В.В. Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986. С. 5.

² Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М., 1965. С. 158.

³ Кривоносов А.Т. О некоторых аспектах соотношения языка и логики // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С. 18.

⁴ Там же. С. 29.

суждение. Однако соотношение между лингвистикой и логикой значительно сложнее. Оно охватывает взаимодействие всех уровней лингвистики и всех категорий логики. «Уровни лингвистики (лексический, морфологический, синтаксический, семантический) и категории логики (понятие, суждение, умозаключение) взаимодействуют между собой самым разнообразным образом, конституируя своего рода «лого-грамматические» (шире: «лого-языковые» единства)⁵.

Проблема языка и мышления, равно как и проблема мышления и логики являются актуальными и для многих нелингвистических областей знания: философии, психологии, нейрофизиологии и т.д. В философских концепциях связи языка и мышления ЯЗЫК характеризуется как «система звуковых знаков, произнося которые человек делает свои мысли доступными для слушающих, а пользуясь буквенными изображениями этих знаков, — и для всех людей, хотя бы и отделенных от говорящего временем и пространством»⁶, а МЫШЛЕНИЕ как «субъективная реальность; процессы мышления и их результаты скрыты в голове мыслящего человека от других людей и реальны лишь для него самого»⁷. В рамках этой проблемы ставятся и вопросы процесса восприятия речи. При этом отмечается, что «понимание цели коммуникации возможно и при непонимании языковых знаков. Этим объясняется то, что нарушение грамматических норм и ошибки в выборе слов в устной речи могут оставаться незамеченными ни говорящим, ни слушающим»⁸.

В современной лингвистике отмечается все более основательное проникновение деятельностного подхода к языку. Как отмечает А.А. Леонтьев, «реальный процесс, происходящий в общении, — это не установления соответствия между речью и внешним миром, а установление соответствия между конкретной ситуацией, подлежащей обозначению *деятельности* (курсив наш. — Е.П.)»⁹.

Очевидно, что при «деятельностной» трактовке языка должна возникнуть и совершенно иная трактовка мышления. Согласно этой трактовке, «мышление обнаруживает себя вовсе не только в языке и речи... но также и в реальных целенаправленных поступках людей»¹⁰. Как видно, именно деятельность является своеобразным звеном, соединяющим последовательно мышление и язык. Э.В. Ильенков замечает, что «логику мышления можно

понять до, вне и независимо от исследования логики языка, но в обратном порядке нельзя понять ни язык, ни мышление»¹¹. Нужно согласиться с тем, что проблема языка и мышления колеблется между двумя крайностями, взаимоотношения как такового вовсе нет, и есть один способ обнаружения мышления — это язык. В защиту последнего утверждения выступает А.Т. Кривонос, выделяя особенности такого соотношения: 1) мышление шире языка и привязано к какой-либо языковой форме (при этом языковая форма может быть минимальной, а мысль «сложно оформленной»); 2) мышление реализуется и «между строк», в отрыве от языковой формы (мысль фиксируется через связи языковых единиц, каждая из этих единиц не есть «языковой компонент» мысли); 3) языковая форма может и не «запечатлеть» всей сложной структуры мышления (отсюда мысль имеет свою собственную структуру, не совпадающую с языковой структурой)¹². Интересно, что, как отмечает Т.Г. Винокур, любое соотношение (речь, текст, дискурс) должно быть рассмотрено через призму мыслительно-речевой деятельности говорящего и слушающего, т.е. должно быть представлено «как процесс облечения мысли в слово»¹³. Таковая деятельность предполагает психофизиологический и психический процесс мышления, априорное соединение логики и грамматики, которое всякий раз актуализируется при реализации соотношения МЫШЛЕНИЕ — ЯЗЫК.

Не менее важен при рассмотрении «диффузности» научных знаний вопрос о том, в какой мере актуализируются те или иные разделы или области науки. Отмечается, что «в естественном языке необходимо опираться лишь на одну логику — традиционную формальную л о г и к у как науку о формальном построении нашего мышления, вполне достаточную для целей лингвистического анализа текста с точки зрения логики.

Во-первых, уже традиционная формальная логика рассматривает мысли, приемы рассуждений с формальной точки зрения, безотносительно к их конкретному содержанию систематизирует объективные правила... и распространяет их на частные случаи. Во-вторых, традиционная формальная логика, в отличие от символической логики, содержательна, т.е. будучи наукой чисто формальной, она постоянно держит на прицеле некоторое общее содержание мыслей (предложений)»¹⁴.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Попова З.Д. Общее языкознание. Воронеж, 1987. С. 41.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ Там же. С. 57-58.

⁹ Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. С. 18-19.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ Ильенков Э.В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи) // Вопросы философии. 1977. № 6. С. 96.

¹² См.: Кривонос А.Т. Мышление без языка? // Вопросы языкознания. 1992. № 2.

¹³ Винокур Т.Г. Употребление языка как основной предмет стилистики // Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987. С. 12.

¹⁴ Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М., 1980. С. 40.

В словарной статье дается определение формальной логики: «наука, изучающая формы мыслей и формы сочетаний их, отвлекаясь от конкретного содержания суждений, умозаключений, понятий»¹⁵. Эта отвлеченность от конкретного содержания определяет «логику движения фактов, отображаемых текстом»¹⁶. Эти факты в свою очередь представляют собой языковую трансформацию конкретного логического построения. Факты, являясь носителями определенного информативного содержания (выражаемого языковыми средствами), строятся по правилам логики, которые определяют последовательность и полноценность информативного содержания. Здесь мы можем говорить о «логической культуре личности», которую мы, вслед за В.И. Свинцовым, будем определять как «более или менее развитые способности осуществлять такие действия, как умозаключение, доказательство, классификация и т.д.»¹⁷. Помимо этого «логическая культура личности» представляется как бы неотъемлемой частью картины мира индивида. (Ср.: В.В. Петров: «Логическая культура индивида обнаруживается и в фоновых знаниях индивида о мире, без которых невозможно успешное общение»¹⁸ или А. Моль: «Человек, наделенный способностями к логическому мышлению, обычно склонен устанавливать логические связи и из моря сообщений, в которое он погружен, черпать именно рациональные или рационально упорядочиваемые фрагменты, которым он отдает предпочтение перед всем остальным»¹⁹. Индивид — носитель языка — является, таким образом, одновременно и носителем определенной логической культуры. Его «индивидуальная логика»²⁰ является лишь степенью овладения способностью осуществлять логические операции. Логика, таким образом, выступает как система конкретного рационального знания, а лингвистика — как проявление «индивидуальной логики».

Если мы будем говорить о логическом анализе конкретной языковой единицы, например, текста, то этот анализ будет как раз проявлением синкретики логики (структурная оформленность мысли) и лингвистики (языковая оформленность мысли). В.И. Свинцов утверждает, что «логический анализ... основан на выделении некоторых частей, которым соответствуют определенные элементы мышления». Рассматриваемая под

этим углом зрения лингвистическая единица «содержит два основных структурных компонента: 1) логические (смысловые) элементы; 2) логические (смысловые) связи между этими элементами»²¹.

Таким образом, мы попытались отметить несколько аспектов, в которых взаимодействие лингвистики и логики возможно и существенно. Во-первых, отношение формальной системы и ее смысловой наполненности, во-вторых, синкретизм логических и лингвистических категорий и оперирование ими (в связи с этим мы попытались проследить соотношение *мышление — логика — язык — речь*), в-третьих, актуализация прежде всего формальной логики при взаимодействии с наукой о языке. Также было сказано о языковой компетентности индивида — носителя языка — в связи с уровнем развития его логической культуры (культура личности — это целый арсенал моделей поведения, тезауруса, возможных условий существования в обществе и др., во всем этом логическая культура индивида занимает не последнее место, а в некотором роде даже определяет условие его полноправного существования в обществе).

Как известно, условия логичности текста (если брать шире: правильности текста) носят преимущественно логико-языковой характер. Соблюдение конкретных законов и правил формальной логики, равно как и следование языковой норме, позволяют говорить о логичности текста. Естественно, что логические ошибки как ошибки логики рассуждения обнаруживаются нами прежде всего через языковую сторону текста. Особого внимания заслуживает вопрос о способах обнаружения аномалий: нужно ли в данном случае идти от языка к содержанию (логике) или от содержания к языку (возможное решение этого вопроса связано, по всей видимости, опять-таки с разрешением проблемы взаимоотношения языка и мышления, однако неоспоримо то, что текст — это прежде всего языковая данность). Текст как языковой продукт должен быть структурирован таким образом, что каждая из единиц этого текста обязана неуклонно следовать языковой норме. Дело в том, что в языке очень часто встречаются случаи, когда запрет на сочетание тех или иных единиц языка накладывается языковой традицией или языковым стандартом. В принципе само понятие «языковая норма» во многом определяет полноценное «существование» любого текста, поскольку любое отклонение от следования языковой норме сводит на нет все усилия по продуцированию текста автором с единственно важной для него задачей: чтобы этот текст был понят тем, кому он посылается. Как полагает П.В. Чесноков, «... воплощение логических форм в определенных грамматических формах (единицах) обуславливает

¹⁵ Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971. С. 346.

¹⁶ Мурзин Л.И., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

¹⁷ Свинцов В.И. Смысловый анализ и обработка текста. М., 1979. С. 26.

¹⁸ Петров В.В. Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986. С. 8.

¹⁹ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 187.

²⁰ См.: Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4.

²¹ Свинцов В.И. Смысловый анализ и обработка текста. М., 1979. С. 79.

универсальный характер последних»²². Непременно здесь то, что универсальность этих грамматических форм или единиц будет опять-таки определяться условием следования языковой норме.

Определений языковой нормы существует достаточное множество и почти столько же, сколько существует исследований в области лингвистики текста.

В одних концепциях языковая норма представляется как некая модель или образец, по которому должна строиться любая языковая единица или конструкция, в других — это реализация языковой структуры, в третьих — закономерность, которая сложилась в результате воздействия исторических, культурно-социальных, лингвистических и прочих факторов. В.А. Ицкович, например, в работе, посвященной языковой норме, пишет: «Во-первых, нормой называют общепринятое, закрепившееся в языке употребление. Во-вторых, нормой называют употребление, рекомендованное грамматикой, словарем, справочником...»²³. Для более полного и глубокого понимания нормы нужно иметь в виду, что, как правило, нормативность проявляется в двояком плане: как совокупность реально используемых в языке лексем, словоформ, языковых конструкций и как совокупность тенденций отбора и правил использования языковых средств (в последнем случае упор делается на свойство вариативности языковых средств). Алогизм как языковая аномалия должен рассматриваться в связи с языковой нормой, поскольку является следствием ее нарушения. Здесь мы собственно подошли к вопросу о возможном подходе к анализу языковой структуры алогизма, основная задача которого видится в составлении определенных процедур для изучения языка алогизма. Применение этого подхода на практике должно убедительно показать, что языковая сторона алогизма будет носить закономерный характер соответствия нарушений конкретных законов и правил логики и нарушений языкового порядка.

В ходе проведенного эксперимента перед испытуемыми дополнительно ставилась задача выделить в предложенных им газетных текстах непонятные им (сложные для восприятия) участки или отдельные слова. В результате оказалось, что не всегда выделенные участки или слова текста совпадали с продуцированной в этом тексте аномалией, обнаруженной нами еще при содержательном анализе до проведения эксперимента. (Например, выделялись информемы *икебана*, *Магнитка*, *вегетарианство*, *микрохирургия*, которые, однако, не фиксировали сами по себе и в связях с другими информемами алогизмы).

Однако были и весьма показательные совпадения, о которых речь пойдет далее. Итак, выделение сложных для восприятия участков текстов с помощью эксперимента явилось первой ступенью или процедурой анализа языковой структуры алогизма. Классификация всех выделенных испытуемыми участков газетных текстов оказалась невозможной, т.к. не нашлось оснований для этого: в одном и том же тексте разными реципиентами могли быть выделены разные участки и разные слова, которые оказались сложными для восприятия и понимания.

Далее производился собственно языковой анализ выделенных участниками эксперимента сложных для восприятия участков текстов. Этот анализ предполагает изучение сочетаемостных свойств информем на основе нормативных источников, т.к. определяются следованием языковой норме. Условия логичности текста, которая возможна при нормативной реализации языковыми единицами (информемами) своих сочетаемостных свойств, выделяются в равной степени на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях языка. Б.Н. Головин, например, приводит синтаксические условия логичности текста, полагая, что именно на синтаксическом уровне чаще всего возникают алогизмы: непротиворечивое сочетание одного слова с другим (в равной это свойственно лексической и грамматической сочетаемости); правильный порядок слов; правильное употребление предлогов, союзов, частиц; правильное соединение рядом стоящих предложений; обозначение переходов от одной мысли к другой; выбор синтаксических структур, адекватных характеру выражаемого содержания и т.д.²⁴ Лексические, грамматические и синтаксические свойства сочетаемости языковых единиц представлены в работе Д.Э. Розенталя²⁵.

Таким образом, анализ языковой структуры алогизма состоит из двух этапов или процедур: 1) вначале регистрируются в газетных текстах при помощи эксперимента участки, сложные для восприятия; 2) затем производится языковой анализ сочетаемостных свойств информем, посредством которых алогизм продуцирован в тексте (анализ по принципу соблюдения/несоблюдения языковой нормы с привлечением нормативных источников.) Производство такого анализа необходимо, если следовать цепи возникновения алогизмов: нарушение логики рассуждения — нарушение логики изложения.

Кроме того, такой анализ позволяет обнаружить, как та или иная языковая единица (информема) реализует свои валентостные свойства на любом из языковых уровней. Важнейшим условием правильной речи Д.Э. Розенталя называет употребление слова в соответствии с присущим

²² Чесноков П.В. Логические и семантические формы мышления как значение грамматических форм // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 3.

²³ Ицкович В.А. Языковая норма. М., 1968. С. 4.

²⁴ Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1980.

²⁵ Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974.

ему в литературном языке значением²⁶. Но очень часто в любом тексте, включая газетный, как раз нарушается «правильное» употребление слова, что приводит к лексической несочетаемости. Поскольку информемы в тексте должны подбираться с учетом их смысловой сочетаемости, то основная деятельность при анализе валентостных свойств языковых единиц обуславливается выбором информемы с учетом того окружения, в которое эта информема попадает (в текстовое окружение). Этот выбор должен быть подтвержден источниками, в которых закреплены языковые стандарты. Естественно, что при несовпадении данного выбора языковой единицы и реального ее употребления автором текста, мы можем констатировать языковое нарушение. Заметим, что нами не рассматриваются языковые аномалии, которые являются средствами выразительности, т.е. их намеренное допущение не может называться ошибочным.

Анализ валентостных свойств информем на грамматическом уровне требует владения всеми правилами грамматического словоупотребления языковых единиц, и в этом случае выбор той или иной формы языковой единицы должен не противоречить языковой норме, в противном случае такое употребление также может быть признано ошибочным. Попутно отметим, что примеры грамматической несочетаемости практически отсутствуют в рассмотренных нами газетных текстах. Пожалуй, больше всего нарушений языковой нормы нами газетных текстах. Пожалуй, больше всего нарушений языковой нормы нами обнаруживаются на синтаксическом уровне, часто это неверное употребление однородных членов предложения. В данном случае анализ текстов учитывает возможности проявления единицами синтаксического уровня своих валентостных свойств в безусловной связи с возможностями смысловой сочетаемости этих единиц.

Анализ языковой структуры алогизма в нормативном аспекте позволяет обнаружить те языковые средства (единицы разных уровней языка), которые как бы являются своеобразным продолжением логической ошибки, фиксируемой еще в процессе мышления человека.

Рассмотрим далее несколько примеров газетных текстов, в которых отмечается противоречие языковой норме.

В выделенном в ходе эксперимента участке текста «...и ведь в обоих случаях при оперативных вмешательствах *диагноз один: микрохирургия*» информема *диагноз* обозначает «определение болезни на основании всестороннего исследования больного»²⁷, информема *микрохирургия* — «раздел медицины, изучающий заболевания, основным методом лечения которых является оперативное вмешательство, и разрабатывающий при-

емы, методы и технику выполнения операций»²⁸. Таким образом, сочетание «диагноз один: микрохирургия» неудачно, поскольку между информемами, входящими в это сочетание, нет общих компонентов смысла (*диагноз* сочетается с информемами, обозначающими какую-либо болезнь, например, *диагноз* — грипп; в свою очередь *микрохирургия* сочетается с информемами, обозначающими приемы и методы лечения, например: микрохирургическое вмешательство при глаукоме).

В другом выделенном участке текста «*Дебют хоккейного матча для сборной Швеции сложился удачно*» информема *дебют* обозначает: 1) первое выступление артиста на сцене или первое публичное выступление на каком-либо поприще (например, дебют молодого писателя); 2) начало шахматной, а также шашечной партии (например, ферзевый дебют)²⁹. Таким образом сочетание «дебют хоккейного матча» неудачно, поскольку между информемами, входящими в это сочетание нет общих компонентов смысла (правильнее было бы сказать «начало хоккейного матча» или «на старте хоккейного матча»).

В выделенном испытуемыми участке текста «*весь рыночный бизнес военизировался: у каждого по пистолету и телохранителю*» информема *военизироваться* обозначает «приспособиться к военным условиям; перейти (переходить) на обслуживание военных нужд»³⁰, информема *бизнес* — «деловое предприятие, ловкая афера и т.п., как источник личного обогащения»³¹. Таким образом, сочетание «бизнес военизировался» неудачно, поскольку между информемами, входящими в это сочетание, нет общих компонентов смысла (*военизироваться* сочетается с информемами, обозначающими действия или ситуации военного времени, например: военизировать батальон³²). В рассмотренном участке текста правильнее было бы употребить сочетание «бизнес вооружился».

Редки, но встречаются в текстах и случаи грамматической несочетаемости. Например, в участке текста «*красаду петуний можно высаживать в грунт уже через двадцать двое — тридцать суток после восхода*» сочетание *двадцать двое суток* невозможно, т.к. существительное «сутки», имеющее форму только множественного числа и требующее при себе форму собирательного числительного, в данном случае сочетается с составным числительным, в состав которого не может входить собирательное. Грамматическая несочетаемость обнаруживается лишь при владении в полной мере

²⁸ Словарь русского языка в 4-х тт. Т. 2. М., 1992. С. 599.

²⁹ Словарь русского языка в 4-х тт. Т. 1. М., 1992. С. 374.

³⁰ Там же. С. 195.

³¹ Там же. С. 89.

³² Там же. С. 195.

²⁶ Там же. С. 63.

²⁷ Словарь русского языка в 4-х тт. Т. 1. М., 1992. С. 396.

правилами и нормами русской грамматики, вероятно, поэтому участники эксперимента не всегда выделяли те отрезки предложенных им вниманию текстов, в которых обнаруживалась языковая аномалия подобного типа.

Чаще всего отступления от языковых норм встречаются на синтаксическом уровне. Например, в выделенном участке текста «*мы отправили в архивы подшивки и прочие более прозаические места газеты*» мы можем обнаружить соединение в качестве однородных членов вещественно неоднородных (несопоставимых) понятий: *подшивки* не есть «места газеты» (порознь каждое дополнение сочетается с управляемым словом «отправили», но между собой не имеют общего по смыслу).

В другом участке текста «*В редакцию газеты... явился образованный, но малограмотный человек*» обнаруживается соединение в качестве однородных членов *образованный* и *малограмотный* двух разнородных понятий, которые не могут быть одновременно употреблены в тексте.

Подобный случай встречается в участке текста «*запуск системы отопления дома нужно проводить постоянно и с некоторой выдержкой*», в котором соединены в качестве однородных членов неоднородные понятия «постоянно» и «с некоторой выдержкой». Соединение в качестве однородных членов видовых и родовых понятий, что противоречит языковой норме, мы можем наблюдать в выделенном участке текста «*строительство Магнитки, Днепрогэса, электрификация и др. великие стройки*» (родовое понятие *стройки* включает в себя видовые *стройки Магнитки, строительство Днепрогэса*, но не включает *электрификацию*).

В участке текста «*и он стал одним из ориентиров моды, который нередко распространяет некачественную, поддельную продукцию*» отмечается ошибка, вызванная лексической несочетаемостью однородных членов *некачественную* и *поддельную* с тем словом, с которым они связаны — «ориентир моды» (ориентир моды не может быть распространителем некачественной и поддельной продукции). *Ориентир* — хорошо заметный на местности неподвижный предмет, помогающий определить направление движения, находить цель быть одетым по моде³³. *Мода* — 1) господство в определенной общественной среде в определенное время тех или иных вкусов; 2) образцы предметов одежды, отвечающие господствующим вкусам данного момента (мода сезона); 3) обыкновение, привычка (у меня нет моды деньгами платить). Таким образом, сочетание «ориентир моды» неудачно, поскольку между информемами, входящими в это сочетание, нет общих компонентов смысла (правильнее было бы сказать «и он стал распространителем моды»).

Таким образом, применение подобной методики анализа языковой структуры алогизма позволяет нам определить возможные языковые средства, через которые алогизм фиксируется в газетном тексте. В рассмотренных нами языковых отрезках текста, которые выделялись участниками проведенного эксперимента по принципу непонятности (трудности для восприятия), алогизмы фиксированы через лексические, грамматические и синтаксические средства (иначе: через реализацию этими языковыми средствами своих сочетаемостных свойств). Помимо того, что данная методика позволяет определять возможные языковые средства фиксации алогизма, она позволяет нам и классифицировать эти средства. Применительно к рассмотренным нами отрезкам газетных текстов. Однако наиболее полная классификация этих средств приведена, как уже отмечалось, Д.Э. Розенталем³⁴. Лексическая несочетаемость (лексические средства фиксации алогизмов) возникает в результате соединения информем, которые сочетаться или соединяться в тексте не могут в силу того, что не имеют сходных компонентов смысла. Например: *участковый пенсионер, умелец широкого профиля и анфаса*. Грамматическая несочетаемость (грамматические средства фиксации алогизмов) возникает в результате неверного грамматического употребления информем при существующих вариантах сочетаний числительных с существительными (*двадцать двое суток*); случаи грамматической несочетаемости очень редки и в рассматриваемых нами текстах их больше не обнаружено. Синтаксическая несочетаемость (синтаксические средства фиксации алогизмов) возникает, как правило, в результате неверного употребления однородных членов предложения.

В рассматриваемых нами текстах были обнаружены следующие противоречия языковой норме: 1) соединение в качестве однородных членов вещественно неоднородных понятий (*подшивки и прочие места газеты*); 2) употребление в качестве однородных членов понятий, которые исключают друг друга (*образованный, но малограмотный; постоянно и с некоторой выдержкой*); 3) соединение в качестве однородных членов видовых и родовых понятий (*строительство Магнитки, Днепрогэса, электрификация и другие великие стройки*); 4) лексическая несочетаемость однородных членов с тем словом в предложении, с которым они связаны (*ориентир моды, распространяющий некачественную, поддельную продукцию*). Эти языковые средства (лучше сказать языковые аномалии) являются возможными средствами фиксации алогизмов в текстах. Естественно, что список этот не исчерпывающий, но он включает в себя все аномалии, которые были отмечены участниками эксперимента. Языковые аномалии, не выделенные испытуемыми, нами не рассматривались.

³³ Словарь русского языка в 4-х тт. Т. 2. М., 1992. С. 639.

³⁴ Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974.

Список литературы:

1. Винокур Т.Г. Употребление языка как основной предмет стилистики // Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987. С. 5-39.
2. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1980. 250 с.
3. Ильенков Э.В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи) // Вопросы философии. 1977. № 6. С. 92-96.
4. Ицкович В.А. Языковая норма. М., 1968. 92 с.
5. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 3-12.
6. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М., 1980. 190 с.
7. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. М., 1965. 240 с.
8. Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971. 742 с.
9. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971. 267 с.
10. Кривоносов А.Т. Мышление без языка? // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 69-83.
11. Кривоносов А.Т. О некоторых аспектах соотношения языка и логики // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С. 17-31.
12. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. 213 с.
13. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. 408 с.
14. Мурзин Л.И., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 72 с.
15. Петров В.В. Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986. С. 5-24.
16. Попова З.Д. Общее языкознание. Воронеж, 1987. 208 с.
17. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974. 292 с.
18. Свинцов В.И. Смысловый анализ и обработка текста. М., 1979. 241 с.
19. Словарь русского языка в 4-х томах. Том 1. М., 1992. 650 с.
20. Словарь русского языка в 4-х томах. Том 2. М., 1992. 593 с.
21. Чесноков П.В. Логические и семантические формы мышления как значение грамматических форм // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 3-14.

References (transliteration):

1. Vinokur T.G. Upotreblenie yazyka kak osnovnoy predmet stilistiki // Stilistika russkogo yazyka. Zhanrovo-kommunikativnyy aspekt stilistiki teksta. M., 1987. S. 5-39.
2. Golovin B.N. Osnovy kul'tury rechi. M., 1980. 250 s.
3. Il'enkov E.V. Soobrazheniya po voprosu ob otnoshenii myshleniya i yazyka (rechi) // Voprosy filosofii. 1977. № 6. S. 92-96.
4. Itskovich V.A. Yazykovaya norma. M., 1968. 92 s.
5. Katsnel'son S.D. Rechemyslitel'nye protsessy // Voprosy yazykoznaneya. 1984. № 4. S. 3-12.
6. Kirillov V.I., Starchenko A.A. Logika. M., 1980. 190 s.
7. Kolshanskiy G.V. Logika i struktura yazyka. M., 1965. 240 s.
8. Kondakov N.I. Logicheskiy slovar'. M., 1971. 742 s.
9. Kostomarov V.G. Russkiy yazyk na gazetnoy polose. M., 1971. 267 s.
10. Krivonosov A.T. Myshlenie bez yazyka? // Voprosy yazykoznaneya. 1992. № 2. S. 69-83.
11. Krivonosov A.T. O nekotorykh aspektakh sootnosheniya yazyka i logiki // Voprosy yazykoznaneya. 1979. № 6. S. 17-31.
12. Leont'ev A.A. Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'. M., 1969. 213 s.
13. Mol' A. Sotsiodinamika kul'tury. M., 1973. 408 s.
14. Murzin L.I., Shtern A.S. Tekst i ego vospriyatye. Sverdlovsk, 1991. 72 s.
15. Petrov V.V. Yazyk i logicheskaya teoriya // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XVIII. M., 1986. S. 5-24.
16. Popova Z.D. Obshchee yazykoznanie. Voronezh, 1987. 208 s.
17. Rozental' D.E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka. M., 1974. 292 s.
18. Svintsov V.I. Smyslovoiy analiz i obrabotka teksta. M., 1979. 241s.
19. Slovar' russkogo yazyka v 4-kh tomakh. Tom 1. M., 1992. 650 s.
20. Slovar' russkogo yazyka v 4-kh tomakh. Tom 2. M., 1992. 593 s.
21. Chesnokov P.V. Logicheskie i semanticheskie formy myshleniya kak znachenie grammaticheskikh form // Voprosy yazykoznaneya. 1984. № 5. S. 3-14.